

Об истории рукописной книги, изданной калмыками в эмиграции в 1947 г.*

Revisiting the History of One Manuscript Book Issued by Emigrant Kalmyks in 1947

А. Т. Баянова (A. Bayanova)¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, Элиста 358000, Российская Федерация)
заведующий Научной библиотекой и архивом им. П. Э. Алексеевой
ORCID: 0000-0001-7718-802X. E-mail: bayanovaat@kigiran.com

Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Iishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Head of Alekseeva Scientific Library and Archive

ORCID: 0000-0001-7718-802X. E-mail: bayanovaat@kigiran.com

Аннотация. Статья посвящена редкой рукописной книге — букварю, по которому обучались дети эмигрантов-калмыков в лагере Пфаффенхофен (Германия) в конце 1940-х гг. Автором даны подробное описание и анализ учебника. Основное внимание акцентируется на оформлении и содержании книги. Сохранившаяся до наших дней копия букваря раскрывает важную сторону образовательных практик в истории эмиграции разных народов в лагерях ДР и в первые годы постоянного размещения в той стране, куда попадали различные этнические группы по мере устройства их послевоенной жизни.

Ключевые слова: эмиграция, калмыки, букварь, калмыцкий язык, «тодо бичиг» ('ясное письмо'), редкая книга

Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5). Поиски букваря проводились по инициативе сотрудника Центра истории педагогики и образования Института стратегии развития образования РАО В. Г. Безрогова и сотрудника библиотеки имени А. С. Александра Ратгерского университета (Archibald S. Alexander Library, Rutgers University, NJ) Кристины Лутц. Букварь был найден благодаря Н. Н. Бурлакову,

---

* Материалы, изложенные в статье, апробированы в виде доклада на заседании Круглого стола «Собиратель сокровищ истории и культуры калмыцкого народа», посвященного 95-летию со дня рождения Почетного гражданина Республики Калмыкия, заслуженного работника культуры Калмыцкой АССР, главного библиографа Научной библиотеки и архива КалмНЦ РАН П. Э. Алексеевой.

директору издательства «Аэлита Пресс» и участнику проекта по созданию Архива Калмыцкой диаспоры (Kalmyk Archive). Сердечно благодарим всех, кто помог найти и передать скан-копию букваря.

Для цитирования: Баянова А. Т. Об истории рукописной книги, изданной калмыками в эмиграции в 1947 г. Монголоведение. 2019;(1):76-89. DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-76-89.

Abstract. The article examines one rare manuscript book which is a school primer for children of emigrant Kalmyks that resided in Pfaffenhofen DP Camp (Germany) in the late 1940s. The paper analyzes and describes the book in detail, special attention being paid to its design and contents. The surviving copy of the primer reveals an important aspect of educational practices in the history of emigration of different peoples within DP camps and during the early years of their permanent residence in respective countries that hosted multi-ethnic expatriate groups in the aftermath of World War II.

Keywords: emigration, Kalmyks, alphabet book, Kalmyk language, Clear Script, rare book

Acknowledgements. Research was performed within a government subsidy — project ‘Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes’ (State Reg. No. AAAA-A19-119011490038-5). The search of the alphabet book was initiated by V. G. Bezrogov, an associate of Center for Historical Studies of Pedagogy and Education (Education Development Strategy Institute, Russian Academy of Education), and Christine Lutz, an employee at Archibald S. Alexander Library (Rutgers University, NJ). The alphabet book was discovered due to efforts of N. N. Burlakov, Director of Aelita Press and a partner to the project for the establishment of the Kalmyk expatriate community’s archives (Kalmyk Archive). We extend our heartiest gratitude to those who helped discover and deliver a scan copy of the alphabet book.

For citation: Bayanova A. Revisiting the History of One Manuscript Book Issued by Emigrant Kalmyks in 1947. Mongolian Studies. 2019;(1):76-89. DOI 10.22162/2500-1523-2019-1-76-89.

Библиограф П. Э. Алексеева сделала очень многое для того, чтобы превратить нашу библиотеку в крупнейшее хранилище книг по калмыковедению. Как профессионал своего дела, как страстный ценитель книги она очень хорошо сформировала наш фонд. Благодаря ей у нас есть отдел редких изданий, который составляет гордость нашего центра. О том, как она формировала этот фонд, как по крупицам собирала его, это общеизвестно. К редким книгам у нее особый пietet. О том, что она неделями сидела в запасниках крупнейших библиотек страны или как привозила в рюкзаке ценнейшие издания из Америки, когда оттуда везли оргтехнику, ходят легенды.

Традиции поиска редких книг для нашей библиотеки, заложенные Прасковьей Эрдниевной, продолжаем и мы. Скан-копия

одной из редких рукописных книг, которой нет ни в одной библиотеке нашей страны, да и в зарубежных библиотеках, благодаря усилиям многих людей, заинтересованных в ее поиске, оказалась в фонде научной библиотеки КалмНЦ РАН.

Целью данной статьи является анализ калмыцкого букваря, изданного в DP-лагере в Пфaffenхофене для начального обучения грамоте детей-калмыков.

Прежде чем рассказать об этой рукописной книге, сделаем небольшой экскурс в историю калмыцкой эмиграции.

Политические события 1917–1920 гг. — Великая российская революция и Гражданская война — способствовали тому, что часть калмыков, в основном донские калмыки-казаки, не принявшая новую власть, вынуждена была эмигрировать сначала в Турцию, а затем в европейские страны [Борисенко, Горяев 1998: 53].

Эмигранты-калмыки компактно проживали в Сербии, Болгарии, Чехословакии, Югославии и Франции. В начале 1945 г. калмыки-эмигранты оказались в лагере беженцев, расположенном в Баварии близ г. Шонгау. Здесь же оказались и калмыки второй волны эмиграции — угнанные насильственно немцами в Германию и военнопленные из лагерей. В лагере они так и делились: старые (белые), эмигрировавшие в 1920-е гг., и новые (красные), прибывшие за границу во время Второй мировой войны. Лагерь для перемещенных лиц, так называемые DP-лагеря (англ. Displaced Persons), находились под ведением IRO (Международной организации по оказанию помощи беженцам).

В течение семи лет, пока калмыки находились в этих лагерях, ими предпринимались попытки эмиграции в другие страны, в частности в США. По мнению А. Борманжинова, лидерам калмыцкой эмиграции удалось доказать, что «калмыки юго-восточной части европейской России являются представителями белой, или так называемой европейской расы, несмотря на их азиатское происхождение» [Борманжинов 1997: 111].

Вопрос получения американского гражданства был инициирован Дорджи и Самсоном Ремилевыми и заслушан на процессе в Верховном суде США, где был вынесен вердикт о признании европейского статуса калмыков [Попков 2010: 334]. Огромную помощь в решении данной проблемы оказал Толстовский фонд, воз-

главляемый дочерью великого русского писателя А. Л. Толстой. В декабре 1951 г. первая группа беженцев эмигрировала в США.

Семилетнее пребывание в лагерях для перемещенных лиц (Альтенштадт, Нидерраунау, Крумбах, Пфаффенхофен и др.) оставило особый след в судьбе калмыков-эмигрантов. Тяжелые условия проживания в эмиграции не сломили калмыков. Стремление сохранить культурную целостность и национальную идентичность народа в изгнании подвигло самую активную часть народа — представителей калмыцкой интеллигенции — предпринять усилия в возрождении образовательной и просветительской деятельности.

Был организован спортивный клуб «Джангар», футбольная команда которого занимала призовые места не только в лагерных соревнованиях. В DP-лагерях было налажено издание периодической печати: газета «Обозрение» (1947–1948), журналы «Мана зянге [Наши вести]» (1946–1947), «Тэгин очэн [Степная искра]» (1947–1948) [Алексеева 2010: 146].

Постепенно налаживали быт, многие калмыки устраивались на работу, открывались школы для детей.

В Альтенштадте и Пфаффенхофене были организованы школы для обучения калмыцких детей. Как вспоминает Ч. О. Хулхачинов, школа в Альтенштадте просуществовала два года [Гучинова 2004: 136].

Обучение в школе велось представителями калмыцкой интеллигенции. Русский язык и литературу вел И. С. Теврюков, калмыцкий язык и азы старокалмыцкого письма преподавала Д. Н. Баянова, математику — Б. Степанов, сам же Ч. О. Хулхачинов вел историю России и географию [Гучинова 2004: 136].

Обучение велось на русском языке. Специалистов-учителей и специальных программ для обучения не было, школы остро нуждались в специальных учебниках. Одним из таких учебников — калмыцкий букварь — был написан Д. Н. Баяновой и С.-Р. Меньковым. В книге Э.-Б. Гучиновой «Улица „Kalmuk Road“: история, культура и идентичности калмыцкой общины США» [Гучинова 2004: 136] имеется упоминание о том, что этот учебник сохранился в семье Ю. и Л. Мошкиных.

Представительница первой волны калмыцкой эмиграции Данара Баянова является одним из авторов учебника. Уроженка станицы Новониколаевская Сальского округа (в девичестве — Уланова, дочь известного общественного деятеля Нарана Эренцыновича Уланова) закончила высшие Бестужевские курсы (1914), а также Донской университет¹ (1918). Занималась медицинской практикой, была врачом-акушером². В 1920 г. эмигрировала, активно занималась просветительской деятельностью среди калмыков-эмигрантов. Она была ответственным редактором журнала «Ойрат», первый номер которого вышел в 1925 г.

В составе инициативной группы по созданию журнала были студенты Пражского университета Эренцен Бурулдушев, Нури Маглинов и Санжа Степанов [Топалова 2017а: 57]. Под литературным псевдонимом Дон-Араши Д. Н. Баянова печаталась в таких изданиях, как «Мана зянге», «Ковыльные волны». Она занималась сбором калмыцкого фольклора, переводами русской классики на калмыцкий язык. В четвертом выпуске эмигрантского альманаха «Хонхо [Колокол]» вышла повесть «Капитанская дочка» А. Пушкина на калмыцком языке, перевод которой был осуществлен Данарой Баяновой. В первом номере журнала «Улан залат³» (1927) ею была опубликована одна из песен калмыцкого эпоса «Джангар».

¹ Бывший Императорский Варшавский университет, эвакуированный в годы Первой мировой войны в Ростов-на-Дону, позднее он был переименован в Ростовский медицинский институт.

² Семья Улановых оставила заметный след не только в калмыцкой, но и российской истории. Отец Уланов Наран Эренцынович (1867–1904) — атаман станицы Кутейниковская Сальского округа, окончил Новочеркасское юнкерское училище, служил в 9-м Донском казачьем полку в чине хорунжего, прошел курс офицерской кавалерийской школы и поступил вольнослушателем в Академию Генерального штаба. Работал переводчиком в посольстве Далай-ламы, был отправлен со специальной государственной миссией в Тибет, но по дороге тяжело заболел и скончался. Сын Бадьма Наранович (1886–1969) поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, но климат Северной Пальмиры не подошел для него, и он перевелся в Казанский госуниверситет, где и завершил юридическое образование. Занимался частной адвокатской и юридической практикой. В 1920 г. эмигрировал в Европу. Принимал активное участие в культурной и просветительской деятельности калмыков в эмиграции.

³ *Улан зала* (красная кисточка) — элемент мужского головного убора калмыков (кисть из шелковых нитей красного цвета), является знаком национального отличия калмыков от других монгольских народов.

Д. Н. Баянова была прекрасным переводчиком, благодаря ей были переведены на калмыцкий язык произведения русских классиков: «Дубровский» и «Скупой рыцарь» А. С. Пушкина, «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя, комедия «Недоросль» Д. И. Фонвизина. В дальнейшем она планировала издать переводы отдельными книгами, но, к сожалению, ей это не удалось [Баянова 2013:16].

Санджи-Ракба Меньков (1896–1968) также относится к эмигрантам первой волны, родом он из донских калмыков, уроженец станицы Батлаевская Сальского округа. Известен тем, что активно печатался в эмигрантских журналах. Приняв религиозный сан, был бакшой¹ буддийского молельного дома в Пфaffenхофене, после переезда в США стал бакшой калмыцкого хурула² в Филадельфии³.

Следует отметить, что авторы учебника не были педагогами-практиками, но это не умаляло их стремления создать такое учебное пособие для детей, которое бы отвечало самым необходимым требованиям при его составлении. Оригинал букваря был написан от руки, иллюстрирован рисунками, а затем гектографирован.

На обложке букваря написаны на старокалмыцком и продублированы в кириллическом написании следующие слова: хальмг бичик орос ўзгўд (досл. «калмыцкое письмо русские буквы»). К сожалению, тираж букваря не указан, но стоит предположить, что он был небольшим, стоил же он пять рейхсмарок⁴.

На титульной странице указано имя автора на немецком (Вајанова), русском (Баянова) и «тодо бичиг», также имеется автограф автора с указанием города: Newark, 1955 (Ньюарк, штат Нью-Джерси, США).

На задней обложке есть надпись на английском языке: «non periodical edition» (непериодическое издание), на немецком — «erscheint unregelmäßig» (выходит нерегулярно), указаны редак-

¹ Бакша — буддийский священнослужитель.

² Хурул — буддийская церковь.

³ Бакша Калмыцкого Богдо Зонкабин хурула С.-Р. Меньков скончался в больнице Св. Джозефа 18 мая 1968 г. после продолжительной болезни, похоронен на кладбище в Филадельфии.

⁴ Рейхсмарка (нем. Reichsmark) — денежная единица Веймарской республики, Третьего рейха и послевоенной Германии с 1924 по 1948 год.

тор (С. Цагадинов), место издания (Пфафенхофен) и год издания (1947).

Таким образом, можно утверждать, что букварь был издан при содействии учрежденного С. Цагадиновым журнала «Тэгин очэн» («Степная искра»), который издавался калмыцкой молодежью и студентами в конце 1940-х гг. в DP-лагере Пфаффенхофен (вышло всего два номера). По-видимому, букварь был создан в этом же, а не в другом лагере. Можно также предполагать, что учебник применялся с 1947 по 1955 гг.; возможно, и несколько позже; но не столь интенсивно, чтобы не сохраниться.

Авторы учебника применяют параллельно с кириллицей старокалмыцкое письмо — «тодо бичиг¹». С 1924 по 1930 гг. шли бурные дискуссии в среде интеллигенции о признании зая-пандитского алфавита устаревшим и о необходимости его перехода на русскую графическую основу. С 1930 г. был введен латинизированный алфавит, а с 1938 г. калмыцкое книгоиздание окончательно перешло на алфавит, созданный на основе русской графики, который существует и поныне. Следовательно, к концу 1940-х годов старокалмыцкое письмо было напрочь забыто не только эмигрантами второй волны, но и теми, кто оказался за пределами России раньше, в 1920-е гг. И встает вполне логический вопрос: с какой целью в учебнике авторы использовали это устаревшее письмо?

Данара Баянова принимала активное участие в деятельности Калмыцкой комиссии культурных работников (КККР), действовавшей в Праге в конце 1920-х гг. Выполнение своей миссии комиссия видела в сохранении культурных традиций через популяризацию калмыцкого фольклора и русской литературной классики. При содействии КККР были изданы пять выпусков журнала «Хонхо» на старокалмыцком письме. Но, как утверждает писатель-эмигрант Санджи Балыков, несмотря на ценность этого издания, оно не могло стать предметом чтения в среде народа, так как пять номеров было издано на «малодоступном старом калмыцком письме»: «безнадежная борьба за старый калмыцкий шрифт со стороны КККР была просто упрямством, нежеланием считаться

¹ «Тодо бичиг» («ясное письмо», зая-пандитское письмо) — национальная письменность калмыков, созданная в 1648 г. просветителем Зая-пандитой.

с создавшимся фактическим положением вещей в жизни» [Балыков 1932: 17]. Д. Н. Баянова была ярким сторонником сохранения старокалмыцкого письма, но для учебника, изданного в конце 1940-х гг., оно было лишним и не представляло интереса¹. Тем не менее, Д. Н. Баянова и ее соавтор используют в букваре и «тодо бичиг», и кириллицу.

В букваре Д. Н. Баяновой и С.-Р. Менькова знакомство с буквами начинается традиционно, как и во всех пособиях такого типа, с изучения буквы «А» на «тодо бичиг» и на кириллице. Структура подачи материала построена таким образом: сначала идет вариант письма букв и примеры слов (слов) и предложений на «тодо бичиг», затем — на кириллице — печатная и строчная буквы и примеры — из слов и коротких предложений.

На старокалмыцком письме существуют три варианта написания букв, в зависимости от положения в слове: в начале, середине и конце. Читаются слова вертикально, знак окончания предложения оформляется специальным знаком — =.

К каждой букве дается рисунок: к примеру, для буквы «А» — *альмн* ‘яблоко’, *архд* ‘емкость для приготовления и хранения чигяна, т. е. кумыса’, «М» — *мис* ‘кошка’, *махла* ‘шапка’, «У» — *уул* ‘гора’, *ухр* ‘ложка’ и т. д.²

Связных развернутых текстов в букваре нет. Содержание текстов на кириллице и на старокалмыцком письме «тодо бичиг» составляют отдельные несвязные друг с другом предложения, словосочетания и отдельные слова, которые не всегда относятся к иллюстрациям в учебнике. Так, например, при изучении буквы «К» дается картинка груши — *кедмн*, но в тексте данное слово не встречается. Многие слова даны на русском языке: тот, кот, мот, око, масса. В предложениях также встречаются слова на русском языке — елка: *Елка орос улус шатана*. досл. ‘Елку зажигают русские’; католик — *Католик номтанр бас шатана*. досл. ‘Католики тоже зажигают [елку]’³.

¹ С. Балыков утверждает также, что едва ли «можно найти 2 % среди наших современных собратьев, которые могли бы читать и писать этим шрифтом, тогда как грамотность русским алфавитом, например, среди донских калмыков, достигала в последние годы больше 70 %» [Балыков 1932: 17].

² Примеры приводятся в соответствии с написанием в учебнике.

³ Здесь и далее перевод автора.

Предложения в текстах короткие, состоят из двух-трех слов: *Зул шатата* ('Лампада зажжена'), *Мана гер ик* ('Наш дом большой'). В конце учебника, когда изучены все буквы, количество слов в предложении увеличивается: *Хулха кесн кун түрмин герт орна*. 'Человек, совершивший кражу, попадает в тюрьму'.

До начала XX в. буддизм был основой мировоззрения у монголоязычных народов, в том числе у для калмыков. Он оказывал значительное влияние на образ жизни, менталитет, воспитание и культуру калмыцкого народа [Четырова 2011: 190].

Буддийским ценностям уже в начальной школе уделялось большое внимание. Все буквари и другие дореволюционные учебники содержали тексты молитв. Поскольку авторы учебника придерживались старых традиционных взглядов на воспитание, они поместили текст молитвы и в рассматриваемое учебное пособие. На странице 3 сразу же после изучения кириллических букв «А» и «М» на кириллице же дан один из вариантов текста молитвы «О Трех драгоценностях» — основа основ буддийской практики. Краткая формула поклонения Трех драгоценностям заключается в следующих словах молитвы:

<i>Деед Бурхнд иткмү.</i>	<i>Принимаю прибежище в Будде.</i>
<i>Номд иткмү.</i>	<i>Принимаю прибежище в Учении.</i>
<i>Хувргудт иткмү.</i>	<i>Принимаю прибежище в Общине.</i>

В текстах букваря мало фольклорного материала, он представлен лишь несколькими пословицами и поговорками. Сама Д. Н. Баянова была довольно известным знатоком и собирателем калмыцкого фольклора. В эмигрантских журналах она печатала сказки, детские стихи и песни на калмыцком языке, переводила произведения русских классиков. К сожалению, весь этот богатый фольклорный и переводческий материал она не использовала в данном издании. Этот факт говорит о том, что она не владела методикой составления учебных пособий и не имела практического опыта преподавания.

Пословицы и поговорки были этикетной принадлежностью разговорного языка калмыков: говорить, применяя их в своей речи, считалось признаком воспитанности и просто хорошим то-

ном. Не стоит забывать, что авторы книги принадлежали к числу представителей калмыцкой интеллигенции: правила этикета, правильная речь, воспитанность, внутренняя культура не были для них какими-то абстрактными понятиями. Поэтому включение пословиц в тексты букваря, хотя их и малое количество, несомненно, обогатило его содержание: *Мал асарси — аман тоста, кў асарси — толга цуста*. ‘Позаботишься о скотине — рот будет в масле, позаботишься о человеке — голова будет в крови’; *Эндернь энд мангурнь мэдэkdэхиш*. ‘Ошибки, совершенные сегодня, завтра уже не помнишь’.

Тексты букваря служат цели воспитания детей. Поведенческие нормы прописаны в таких предложениях, как: *«Ёман ёсар кетн. ‘Делайте все правильно (по закону)’*. *Сургульд цактан ирхь кериктӓ*. ‘В школу надо приходиться вовремя’.

Наряду с калмыцкими именами Кару, Кука, Джал, Джиргал встречаются имена, нетипичные для калмыков: Ирма, Марика, Мара, Сара, Тарас.

В силу того, что букварь был, возможно, единственным учебным пособием, авторы включили в него арифметические элементы — примеры на сложение, вычитание, умножение и деление. В рамках букваря дети изучали названия месяцев и дней недели.

Автором рисунков в букваре, по всей вероятности, была Д. Н. Баянова. Живя в Петербурге, она не только получала образование, но и жадно впитывала все то прекрасное, чем знаменита Северная Пальмира. Яркие художественные впечатления, полученные в петербургский период жизни, подвигли ее к рисованию. Известные циклы ее картин «Времена года» и «Калмыцкий быт» написаны в стиле «примитивного» искусства, но в них «угадываются черты модернизма начала века, выявляющие творческую индивидуальность» [Алексеева, Джалаева 1995: 2].

В учебнике большое количество рисунков (47), многие из них схематичны, плоскостны, нечетки, почти все — в сине-белом исполнении, качество печати оставляет желать лучшего. Иллюстративный материал большей частью составляют предметы и вещи, бытовавшие в среде калмыков: *сшик* (калмыцкие серьги), *махла* (калмыцкий головной убор), *бүшмүд* (национальное платье), *саадг*

(лук), *саадгин сумн* (стрела), *зул* (буддийская лампада), *эрк* (чѐтки), *ишкэ гер* (кибитка), *архд* (емкость для кумыса).

Тема родины представлена картинкой кибитки (*ишкэ гер*) и степным ландшафтом. Картинка сопровождается текстом: *Хальмак гер ишкэ гэр кенэ*. ‘Дом у калмыков изготавливается из войлока’. *Түрү терм, унин, өрк тосхана*. ‘Сначала возводят терме¹, уньн², потолок’. *Хөнъ ишгэньирнэ*. ‘Затем накрывают войлоком’. *Хальмк герь айта*. ‘Калмыцкая кибитка хорошая и удобная’.

В букваре всего три рисунка с изображением людей: мальчик, девочка и женщина. Культурным маркером является наличие национальной калмыцкой одежды. *Бүшмүд* (платье), *махла* (шапка), как и калмыцкие имена, являются для ребенка одним из главных средств на пути самоидентификации, национальной идентичности³.

Сюжетных картинок в издании мало. Среди рисунков встречаются изображения, отражающие реалии, не характерные для калмыцкой культуры. Например, самовар — это реалия русской культуры⁴, равно как бутылка с молоком⁵ и водопроводный кран.

Нетипична для калмыков и прическа: распущенные волосы и бант — это считалось признаком дурного тона, волосы у девочек туго заплетались в косу, а замужние женщины делили волосы на две части, заплетали в две косы, волосы прятались в специальные чехлы — *шиврлг* (футляр для кос).

Животный мир представлен картинками коровы, лошади, свињи, слона, кошки и собаки. Два первых из них относятся к традиционным видам скота калмыков⁶.

В тяжелых условиях лагеря ДР существование школы для эмигрантов с преподаванием некоторых предметов на родном языке означало, что связь с родной культурой не прервана. По крайней

¹ *Терм* (терме) — стенная решетка кибитки [Пюрбеев 1996: 118].

² *Уньн* (унина) — жердь, которой поддерживается верхний круг юрты [Пюрбеев 1996: 119].

³ Подробнее о семантике калмыцкого костюма см.: [Бакаева 2017: 49–69].

⁴ Калмыки употребляли только *джомбу* — калмыцкий чай (напиток с молоком и специями). Пили его из специальных чашек с широкими краями, называемые пиалой.

⁵ Молоко калмыки издавна хранили в кожаных сосудах — *бортх* (бортха) или *архд* (архад).

⁶ Калмыки исконно занимались скотоводством, традиционно почитались у них четыре вида скота: лошадь, корова, верблюд и овца.

мере, она сберегалась благодаря сохранению языка, обучению детей. По мнению Д. Ю. Топаловой, «феномен калмыцкого зарубежья заключается в том, что деятельность его ярких представителей сводилась к одному общему направлению — трепетному сохранению и развитию богатейшего наследия калмыцкой культуры в иноэтничной среде» [Топалова 2017б: 238].

Учебник для обучения грамоте, счету и чтению, безусловно, был востребован эмигрантами-калмыками, играл, в том числе, компенсаторную функцию опоры для совладания с ситуацией.

Это было первое иллюстрированное учебное пособие для детей младшего школьного возраста. Традиции оформления букваря были заимствованы из учебников на русском языке, так как все калмыцкие буквари и азбуки, изданные до революции, не содержали иллюстративный материал.

Литература

- Алексеева 2010 — *Алексеева П. Э.* О людях и времени: сб. ст. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 176 с.
- Алексеева, Джалаева 1995 — *Алексеева П., Джалаева А.* «А когда я вернусь?..» // Известия Калмыкии. 1995. 31 мая. № 97. С. 2.
- Бакаева 2017 — *Бакаева Э. П.* О семантике кроя и декора женского платья цегдег у калмыков и ойратов (древние знаки в семиотической системе костюма) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 4 (32). С. 49–69.
- Балыков 1932 — *Балыков С.* Краткий обзор калмыцкой печати в эмиграции // Ковыльные волны. 1932. № 4. С. 14–20.
- Баянова 2013 — *Баянова А. Т.* Калмыцкие эмигрантские издания в книжной культуре калмыков // Язык и культура. 2013. № 8. С. 15–19.
- Борисенко, Горяев 1998 — *Борисенко И. В., Горяев А. Т.* Очерки истории калмыцкой эмиграции. Элиста: АПП «Джангар», 1998. 238 с.
- Борманжинов 1997 — *Борманжинов А.* Записки о калмыцкой диаспоре. Калмыки в США: 35 лет спустя // Теегин герл. 1997. № 6. С. 109–119.
- Гучинова 2004 — *Гучинова Э.-Б.* Улица «Kalmuk Road»: история, культура и идентичности калмыцкой общины США. СПб.: Алетейя, 2004. 340 с.
- Попков 2010 — Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Нонпарель, 2010. 449 с.

- Пюрбеев 1996 — *Пюрбеев Г. Ц.* Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.
- Топалова 2017a — *Топалова Д. Ю.* Литературная деятельность калмыцкой эмиграции (1920–1930 гг.). Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 244 с.
- Топалова 2017б — *Топалова Д. Ю.* Об истории возникновения калмыцкого зарубежья // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 5 (33). С. 237–249.
- Четырова 2011 — *Четырова Л. Б.* Роль буддизма в конструировании этничности калмыков и монголов // Четвертые востоковедные чтения памяти О. О. Розенберга: доклады, статьи, публикации документов. СПб.: изд-во А. Голода, 2011. С. 190–198.

References

- Alekseeva P. E. *O lyudyakh i vremeni* [About people and time]. Coll. papers. Elista: Kalm. Hum. Res. Inst. of RAS, 2010. 176 p. (In Rus.)
- Alekseeva P., Dzhalalova A. 'When shall I come back?' *Izvestiya Kalmykii*. 1995. May, 31. No. 97. Pp. 2. (In Rus.)
- Bakaeva E. P. The *tsegdeg* dress of Kalmyk and Oirat women: semantics of its fashion and decorative (ancient signs in the semiotic system of the garment). *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2017. No. 4 (32). Pp. 49–69. (In Rus.)
- Balykov S. Publication activities of emigrant Kalmyks: an overview. *Kovyl'nye volny*. 1932. No. 4. Pp. 14–20. (In Rus.)
- Bayanova A. T. Kalmyk emigrant publications in Kalmyk book culture. *Yazyk i kul'tura*. 2013. No. 8. Pp. 15–19. (In Rus.)
- Borisenko I. V., Goryaev A. T. *Ocherki istorii kalmytskoy emigratsii* [The Kalmyk émigré: historical essays]. Elista: Dzhangar, 1998. 238 p. (In Rus.)
- Bormanzhinov A. Notes about the Kalmyk expatriate community. Kalmyks in the U.S.: 35 years later. *Teegin gerl*. 1997. No. 6. Pp. 109–119. (In Rus.)
- Guchinova E.-B. *Ulitsa «Kalmuk Road»: istoriya, kul'tura i identichnosti kalmytskoy obschiny SSHA* [The Kalmuk Road: history, culture and identities of U.S. Kalmyks]. St. Petersburg: Aleteyya, 2004. 340 p. (In Rus.)
- Evraziyskiy mir: tsennosti, konstanty, samoorganizatsiya* [The Eurasian world: values, constants, self-organization]. Yu. V. Popkov (ed.). Novosibirsk: Nonparel', 2010. 449 p. (In Rus.)
- Pyurbeyev G. Ts. *Tolkovyy slovar' traditsionnogo byta kalmykov* [The traditional lifestyle of Kalmyks: an explanatory dictionary]. Elista: Kalm. Book Publ., 1996. 176 p. (In Rus.)

- Topalova D. Yu. *Literaturnaya deyatel'nost' kalmytskoy emigratsii (1920–1930 gg.)* [Literary activities of the Kalmyk expatriate community: 1920–1930s]. Elista: Kalm. Sc. Cent. of RAS, 2017. 244 p. (In Rus.)
- Topalova D. Yu. The Kalmyk expatriate community: history of the emergence (1920–1930s). *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2017. No. 5 (33). Pp. 237–49. (In Rus.)
- Chetyrova L. B. Constituting the ethnicity of Kalmyks and Mongolians: a role of Buddhism. *Chetvertye vostokovednye chteniya pamyati O. O. Rozenberga*. Coll. papers and proc. St. Petersburg: A. Golod, 2011. Pp. 190–198. (In Rus.)